

The background of the book cover is a photograph of a sunset or sunrise. The sky is a mix of orange, yellow, and blue. In the foreground, there are dark, silhouetted branches of bare trees. A building is visible in the lower part of the image, with a single window glowing with light.

ГЕРБЕРТ ГРЁЗ

**ЭТЮДЫ В
ЖУТКОВАТЫХ
ТОНАХ**

Герберт Грëз

ЭТЮДЫ В ЖУТКОВАТЫХ ТОНАХ

«Издательские решения»

Грѐз Г.

Этюды в жутковатых тонах / Г. Грѐз — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933647-7

Сборник рассказов о странных и порой жутких явлениях, порой случающихся в обычной повседневной жизни. Что бывает, если ненароком подсмотреть в чужое окно? О чем молчат перепуганные жители маленького городка? Может ли цирк быть не тем, чем он кажется? Загляните — и узнаете.

ISBN 978-5-44-933647-7

© Грѐз Г.

© Издательские решения

Содержание

СТАРИК И ОКНА	6
СТРАННЫЙ ЦИРК	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

ЭТЮДЫ В ЖУТКОВАТЫХ ТОНАХ

Герберт Грѐз

© Герберт Грѐз, 2018

ISBN 978-5-4493-3647-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТАРИК И ОКНА

Дмитрий Павлович в свои бодрые 52 имел одну крайне противную привычку. Каждый вечер, когда тихое солнце накрывалось одеялом горизонта, он подходил к окну своей кухни с биноклем и рассматривал освещенные окна дома напротив. Чаще всего а поле его зрения оказывалась некая дама, имевшая обыкновение разгуливать по своей квартире совершенно голой. Даме было явно за 30, формы ее были пышны и соблазнительны, отчего Дмитрий Павлович регулярно приходил в экстаз. Особенно приятными были дни, когда эта нимфа подолгу лежала на большой кровати, и свет сильной люстры позволял рассмотреть каждую округлость. Так было и сегодня. Исполненный блаженства, Дмитрий Павлович мысленно поглаживал бедра красавицы, но вдруг ему отчего-то стало не по-себе. Виной тому, по всей видимости, было какое-то странное повторяющееся монотонное движение где-то у самого края зрения.

Вуайерист перевел бинокль на другое пятно света. Там, за бело-голубой прозрачной занавесью, ходил человек. Он упорно и методично повторял один и тот же маршрут: от окна к высокому шкафу, потом спиной вперед до кресла и снова к окну. Дмитрий Павлович весьма подивился выверенности и точности движений этого человека, но вскоре похоть взяла свое, и бинокль вновь обратился к обнаженной незнакомке. Она сменила позу, и теперь уже все ее женское естество было доступно жадному взгляду Дмитрия Павловича. Но почему-то даже столь восхитительный вид, ранее делавший ладони бесстыдного наблюдателя мокрыми, а сердцебиение частым, сегодня не пленял. Словно пытаясь отделаться от какой-то навязчивой мысли, старикан нервно вздохнул, опустил оптику и закурил. Выждав минуты две, он снова вскинул бинокль и направил взгляд на окно с бело-голубой завесой. Странный человек продолжал свои удивительные перемещения, только теперь он как-то нелепо подергивался, будто его било током. Томящаяся в одиночестве красotka более не возбуждала Дмитрия Павловича. Все его внимание поглотило то странное и пугающее действие в соседнем окне.

То, что там происходило, с одной стороны действовало Дмитрию Павловичу на нервы и вызывало раздражение и даже отвращение. С другой – оно необъяснимым образом притягивало и заставляло вновь смотреть и наблюдать. Вдруг свет в том окне погас, отчего разглядеть что-либо стало невозможно. Дмитрий Павлович перевел бинокль на квартиру своей тайной пассии, но женщина куда-то ушла, оставив свою кровать пустовать.

Старик отошел от окна, зажег огонь под чайником и присел на скрипучую табуретку. Смесь странных ощущений неприятно беспокоила Дмитрия Павловича. Что-то там, за тем окном, происходило странное и необъяснимое. И по хорошему-то, надо было, конечно обратиться куда-то, сообщить в компетентные органы, сбросив таким образом груз этой неожиданной ответственности. Но куда? И что им говорить? Подсматривал, дескать, за голой бабой, а увидел в соседнем окошке психа. А ведь и правда, псих, скорее всего. Да. Точно. Он просто чокнутый. Ничего там страшного нет, просто парень свихнулся. Ну разумеется! Уф, ну вот и ладно.

Где-то часа в два ночи Дмитрий Павлович проснулся от испуга. Как будто ему схватили рукой все, что было за грудиной и дернули вниз. Старик вскочил и в три прыжка оказался на кухне, уже сжимая в руках бинокль. Таинственное окно выглядело весьма удивительно. По черному прямоугольнику плыли яркие синие не то разводы, не то всполохи, похожие одновременно и на ленивую воду, и на медленное пламя. Дмитрий Павлович закурил и минут пять неподвижно стоял, всматриваясь в эту завораживающую игру. Теперь он уже наверняка знал, что дело не в том, что тот парень ненормальный. Нет! Какая-то необъяснимая сущность или сила хозяйничает там. Странно, что его ближайшие соседи ничего не замечают. Не может же все это быть совершенно беззвучным?

Паническое беспокойство отпустило Дмитрия Павловича, и он не спеша побрел обратно в в кровать. С утра нужно было собираться на работу.

Вечером взгляд Дмитрия Павловича даже не коснулся окна милой дамы. Бинокль был сразу направлен туда, где ночью играли друг с другом синие блики. Там, в ярком свете желтой лампы, стояли друг напротив друга двое мужчин. Двое! В этот раз никто не ходил. Только редкие хаотичные подергивания их плеч нарушали картинную неподвижность. Наблюдая и поражаясь бессмысленности их действий, Дмитрий Павлович все четче осознавал, что в той квартире творится явная чертовщина. Тем более это стало ясно, когда между двумя стоящими прокатился клубок красных шерстяных ниток, взявшийся ниоткуда и никем не подталкиваемый.

Прошел час. Двое в таинственной квартире все так же стояли друг напротив друга, и между ними катался туда-сюда красный клубок. Томная нимфа совсем исчезла из поля зрения Дмитрия Павловича, и ее место прочно заняла сия странная обитель, наполненная нелепицей. Ничего не понимая, старик всматривался в происходящее, выкуривая сигарету за сигаретой. Ночь плеснула в небо чернилами, разбудив крикливых птичек и гулящих котов. Снова так же внезапно погас свет, и словно черным полотном кто-то завесил окно.

Дмитрий Павлович положил бинокль на стол, почесал затылок и отошел вглубь кухни. Недоумение, испуг и непонятное волнение слились в невообразимый коктейль, вытеснив все остальные эмоции. И теперь надвинувшаяся ночь уже не сулила отдыха и покоя, нет! Она таила в своем мраке что-то необъяснимо ужасающее. Дмитрий Павлович с трудом смог признаться самому себе в том, что он боится. Пришлось как в детстве заворачиваться в одеяло. Но часам к трем утра мелкий противный озноб разбудил старика, заставив пялить глаза в непроглядную темноту холодной квартиры. До самого рассвета Дмитрий Павлович лежал под одеялом, свернувшись в позу младенца, пытаясь успокоиться и унять мерзкую дрожь по всему телу.

Утро разогнало дурные чувства, и на работе Дмитрий Павлович успел забыть ночные переживания. Вокруг сновали люди, светило солнце, и лишь к вечеру накотившие воспомина-ния заставили старика вздрогнуть и выронить сигарету из пальцев.

Идти домой! Туда, где в окне напротив правит бал какая-то нечисть. Где неведомая сила вновь заставит Дмитрия Павловича взять бинокль и смотреть на этот страшный спектакль ровно до того момента, как чья-то невидимая рука отключит свет в непонятной квартире.

На этот раз комната была пуста. Ну, то есть, не то, чтобы совсем пуста – просто людей в ней не было. Вместо них между диваном и окном вальсировало красное одеяло. И если люди хоть еще как-то вязались с обычной реальностью, то это уже было чересчур. Дмитрий Павлович чувствовал, как на пальцах, сжимающих шершавую поверхность бинокля холодеет пот. Это было невыносимо! Казалось, что в ушах играет какая-то навязчивая музыка, а в воздухе летают сотни тысяч мелких иголок.

Почернело небо, погас свет в страшном окне. «Хорошо, – подумал Дмитрий Павлович, – что у меня нет красного одеяла». Почему-то эта мысль немного успокоила его, однако тут же возникла другая. Даже не мысль, нет, скорее, ощущение. Чего-то неизбежного и неприятного.

И еще сожаление о том, что он начал подсматривать за этим всем. Как будто если бы он этого не сделал, ему не пришлось бы сейчас прятаться за одеялом.

Темнота скрыла окружающий мир. Сна не было. Дмитрий Павлович, дрожа, читал про себя какие-то молитвы, ни смысла, ни значения которых он сроду не знал.

И вдруг все вокруг залил свет. Яркий, бьющий в глаза. Старик едва не завизжал от ужаса. Едва взяв себя в руки, осмотрелся. И в отчаянии уронил голову на руки. Слева было кресло, позади высокий шкаф. Где-то в голове старика застучал ритм жесткой и отчаянной музыки. На полу лежало красное одеяло.

СТРАННЫЙ ЦИРК

Прошло уже много лет, но я помню все до мельчайших подробностей. Это одно из тех странных детских воспоминаний, которые остаются на всю жизнь, никак не меняясь со временем.

Мне было двенадцать лет, когда мои родители решили отправиться на автомобиле в наше первое далекое путешествие – в курортный город. До этого мы ездили к морю только на поездах. Стук колес, запах угля и креозота, жаркий ветер из открытого окна, бьющий мне в лицо, когда я лежу на второй полке, – все это мне казалось на тот момент в тысячи раз более романтическим, чем тряска в положении сидя в течение суток.

Впрочем, оказалось все совсем не так, и в автомобильном путешествии тоже нашлась своя прелесть, но рассказ не о ней.

Ехали мы к маминому двоюродному брату, сын которого был моим ровесником. Мы хорошо с ним дружили, хотя и редко виделись. Его звали Миша, он был слегка склонен к полноте, удивительно добродушен и спокоен.

В тот год мы окончательно почувствовали себя взрослыми: нас стали везде отпускать одних. На море, гулять, даже на дискотеки. И вот одним таким вечером, когда мы были предоставлены сами себе, бес нас попутал пойти в сторону от моря.

То, что это было не лучшим решением, мы поняли только когда Миша сообщил, что не знает района, в котором мы оказались.

– Улица Карбышева, – сказал я, осмотрев желто-серую стену дома, мимо которого мы шли.

– Не был ни разу, – ответил Миша. – А какая улица пересекает? Я плохо вижу, очки пора бы заказать, да бате стесняюсь сказать...

– Тихо! – прервал его я. – Пересекает улица Фрунзе. О, гляди-ка, цирк!

– Ух ты. А у нас в городе есть еще цирк, только он совсем в другой стороне. А про этот я не знал даже. Подойдем?

– А то нет! Я люблю цирк.

Здание уютно расположилось в красивом зеленом скверике, усаженном цветами и кустарниками. Цветастые афиши на металлических щитах зазывали на представление.

– Мишка, цена билета всего двести рублей! И начало через пятнадцать минут! Айда!

– Ну... А у тебя есть?

– Конечно! Ты глянь только, программа вообще улетная! Фокусы, волшебство, необыкновенные явления! И всего за двести! Давай, а?

Мишка был тем хорош, что редко спорил. И в этот раз он не стал изменять себе.

– Пошли. Каждый платит за себя.

Здание цирка, увешанное красочными афишами, сияло какой-то необычной чистотой и пахло свежестью, словно после дождя. У меня захватило дух.

– Два билета, – серьезно сказал я.

– В какой сектор? – совершенно без выражения спросила билетерша.

– А в тот, с которого лучше видно, – вмешался Мишка. – И если можно, ряд поближе.

– Есть такие билеты, – все с той же безразличной интонацией ответила служащая. – Сектор 5, ряд третий, места пять и шесть. Четыреста рублей.

Народу в рядах было не очень много, но чувствовалось, что этот цирк пользуется популярностью. Странно, что так дешево. И еще... Пахло здесь почему-то не тем своеобразным миксом, характерным для любого цирка. Не было тут ноток пота, животных, опилок, ткани. Нет. Снегом и порошком, а еще каким-то... металлом, что ли? Не знаю, как описать. Взорвите

в Новый год петарду, пораньтесь о осколок бутылки от шампанского и засуньте кровоточащий палец в рот. Вот так пахло в этом цирке.

Грянули фанфары. Замелькали вокруг цветные пятна света от прожекторов.

И на арену выбежали артисты. И меня затошнило.

– Господи, Мишка, вот мы попали! Это цирк уродов!

– Спокойно! Это иногда бывает интересно. Сиди и смотри.

Не знаю, кому это когда было интересно. Слава Богу, они все сделали всего один круг по арене и убежали в тот же проем, откуда появились.

Свет под куполом погас. Представление началось.

Ярко-голубой прожектор высветил стоящую в центре арены девушку. Зазвучала странная атональная музыка, нелепый набор непонятных звуков. Девушка стала неестественно держаться в разные стороны. Будто в ее теле не было костей. Она гнулась и сворачивалась, как резинка, не в такт этим странным и гнетущим воплям неизвестных инструментов. Но не прошло и минуты, как среди этого безумного диссонанса начали проявляться хорошо отрисованные басы, сердечным стуком заявила о себе перкуссия. И танец этой тонкой резиновой девочки стал удивительно красивым. Ее волосы разлетались вокруг маленькой головы, руки и ноги небывалыми переплетениями рисовали дивные узоры, а над всем этим плыла невероятно ритмичная музыка, прекрасная в своей чарующей жестокости.

Она танцевала минуты две, не больше. И она не ушла с арены, не убежала к униформистам, а просто исчезла, словно в кино. Цирк погрузился во тьму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.